

UvA-DARE (Digital Academic Repository)

Islam i iazyk sovetskoï vizual'nosti

Bustanov, A.K.

Publication date
2016

Published in
Aziatskaia Rossiia

[Link to publication](#)

Citation for published version (APA):

Bustanov, A. K. (2016). Islam i iazyk sovetskoï vizual'nosti. In N. G. Suvorov, & S. A. Mulina (Eds.), *Aziatskaia Rossiia: Liudi i struktury imperii: sbornik nauchnykh trudov* (pp. 78-81). Omsk State University.

General rights

It is not permitted to download or to forward/distribute the text or part of it without the consent of the author(s) and/or copyright holder(s), other than for strictly personal, individual use, unless the work is under an open content license (like Creative Commons).

Disclaimer/Complaints regulations

If you believe that digital publication of certain material infringes any of your rights or (privacy) interests, please let the Library know, stating your reasons. In case of a legitimate complaint, the Library will make the material inaccessible and/or remove it from the website. Please Ask the Library: <https://uba.uva.nl/en/contact>, or a letter to: Library of the University of Amsterdam, Secretariat, Singel 425, 1012 WP Amsterdam, The Netherlands. You will be contacted as soon as possible.

ИСЛАМ И ЯЗЫК СОВЕТСКОЙ ВИЗУАЛЬНОСТИ

Аннотация. В докладе предлагаются способы интерпретации культурного опыта советских мусульман через призму фотографий и фотоальбомов, созданных в среде исламской элиты. Меня интересует черно-белый язык советской исламской визуальности, ставший заметным явлением в послевоенный период. Фотографии могут быть информативны и при консервативном подходе, при чтении их как текста, но более интересным нам представляется сам момент фотографии, паттерны визуальности и движение в визуальном ряде. Фотография – это скорее акт созидания, а не только репрезентация реальности. Именно в коллекциях фотографий наиболее ярко отражается советская исламская идентичность, поскольку она во многом и создавалась фотокамерой. Имеющиеся в нашем распоряжении фотографии 1940–1980-х гг. происходят исключительно из частных архивов. Для каждого из владельцев фотоальбомы были или являются объектами конструирования коллективной памяти. Будучи однажды созданными для трансляции определенных идей (исламского патриотизма, образованности, советского модерна и т.п.) фотографии инструментализируются их владельцами, меняя свое место в фотоальбомах и обретая или теряя подписи к ним. Внимание к визуальному в советском исламе позволяет отойти от привычного текстуального исторического нарратива и выводит обсуждение сугубо исламоведческих тем в более широкое поле пост-колониальных дискуссий о восприятии себя и других.

Ключевые слова: визуальность, ислам, фотографии, ориентализм, политика памяти.

Современные исследователи истории ислама в Советском Союзе сходятся во мнении, что в послевоенный период сложилась особая идентичность советских мусульман, гармонично сочетавшая в себе преданность социалистическим идеалам, использование официальной риторики и ассоциацию с исламской идеологией и практикой [1, 2]. Главным образом, изучение этой идентичности и вообще культурного опыта советских мусульман основывается на анализе письменных (обычно официальных русскоязычных делопроизводственных документов) или этнографических источников [3, 4]. Визуальное обычно воспринимается как дополнение, иллюстрация к тому, что сообщает текст. Важным исключением из этой тенденции служит недавнее обращение В.О. Бобровникова к визуальному языку советской пропаганды, а именно к плакатам раннего советского периода, на которых обильно использовалась стилистика ориентализма [5]. Если плакаты выстраивают вертикаль и иерархию, их язык императивен, поскольку это обращение власти к народу, то фотография чаще обращена в горизонтальную плоскость, создавая и циркулируя в некоторой социальной группе. Фотография (как и плакаты) – очень информативный, но сложный источник, поэтому не удивительно, что в книгах и статьях о советском прошлом фотографии обычно служат иллюстрацией авторского нарратива. Тем не менее имеет смысл обратить пристальное внимание на сами фотографии советских мусульман как самостоятельный культурный феномен, имеющий потенциал для более широких дискуссий о проявлениях советского и пост-колониальном опыте мусульман России. Кроме того, фотографии рассказывают нам историю о транснациональных и трансрегиональных связях, практически забытых в довольно многочисленных исследованиях по отдельным областям и регионам.

В этом докладе я постараюсь поставить проблему интерпретации фотографий и фотоальбомов советских мусульман послевоенного периода, с опорой на работу, сделанную С.Н. Абашиным в его фундаментальной монографии о советском кишлаке [6].

Имеющиеся в моем распоряжении сканы фотографий были сделаны с оригиналов, хранящихся в нескольких частных архивах – Абдулбари Исаева в Санкт-Петербурге, Аббаса Бибарсова

в с. Средняя Елюзань Пензенской области, Габделхабира Яруллина в Казани, Изуддина Магомедова в с. Муни Республики Дагестан и Муртазали Якупова в с. Чиркей Республики Дагестан. Каждый из этих архивов сложился в советский период и имеет сложный характер: здесь есть и старые арабские рукописи, и проповеди советского времени, дневники, письма и, конечно, многочисленные фотографии. Каждый частный архив имеет свою специфику и должен анализироваться как самостоятельная информационная единица. Тем не менее эти архивы красноречиво свидетельствуют о наличии тесных социальных связей внутри группы советского исламского духовенства, в том числе через рассылаемые друг другу копии фотографий, поэтому рассмотрение одного типа визуальных источников отдельно имеет право на существование.

Если брать фотографии всерьез, то перед нами может быть как минимум две опции для обсуждения их значимости: 1) читать их как текст, т.е. пытаться интерпретировать то, что непосредственно изображено на каждом из снимков и их совокупности; 2) погрузиться в культуру фотографии: что, кем и как должно было изображаться, какого эффекта хотел добиться фотограф, каков язык общения фотографии с аудиторией.

Фотография как текст

Чтобы хоть как-то упорядочить более двух тысяч сканов фотографий, я попытался их классифицировать тематически. В первую очередь, меня заинтересовала такая тема, как церемониал в Духовных Управлениях. Из того, что мы видим на фотографиях, я выделил церемонию выборов муфтия (1951, 1975, 1980), встречи делегаций из мусульманских стран, демонстрацию копии Корана 'Усмана и шкатулки с волосом Пророка Мухаммада на главных праздниках, похороны исламских деятелей и возложение венков к памятнику Ленина. Почти каждая из этих церемоний, в том виде, как она отражена на фотографиях, несет в себе симбиоз исламских и советских практик. Например, если в 1951 г. выборы муфтия происходили в мечети г. Уфы, то в 1975 и 1980 гг. муфтии избирались в специальном зале с президиумом, стульями для делегатов, выборы сопровождались речами и голосованием, иногда на фоне портрета Ленина. Похожую картину советизации исламских практик мы наблюдаем на фотографиях с «пленумов» и конференций духовных лиц.

Особый пласт «очевидной» информации на фотоснимках связан с этнографией: нередко в кадр попадали обычные люди, скорее всего не специально одевшиеся для съемок. На снимках с многолюдной толпой на праздниках мы видим популярные широкополые шляпы. Их не снимали даже во время молитвы. В 1950-е гг. мы видим седоволосых, с длинными бородами и одетых в тулупы верующих, прошедших через гонения на религию. Их лица не театральны, хотя очевидно, что фотограф хотел запечатлеть в толпе именно их.

Женский вопрос занимает особое место. Мы часто видим на снимках супруг духовных деятелей, обращает внимание на себя то, как они одеты в домашней обстановке. Мы не увидим со вкусом подобранных платков с заколками, а лишь белую шаль, по-бухарски свободно покрывающую голову и плечи представительниц слабого пола. Очевидно, что такие платки набрасывались, лишь когда приходили гости.

Обычно при публикации подобных фотографий исследователи ограничиваются пояснением того, кто именно на них изображен. В самом деле, если обратить внимание на «номенклатуру» духовных деятелей, то можно попытаться реконструировать социальные связи между ними, прочные и слабые контакты. Например, имам ленинградской мечети, а позднее муфтий Габделбари Исаев (1907–1983) и муфтий САДУМ Зияутдин Бабаханов (1908–1982) знали друг друга очень хорошо, их совместные фотографии, в том числе в семейном кругу, мы встречаем с 1950-х гг.

Ориентализм или Само-ориентализация?

Если попытаться отойти от поверхностного текстуального прочтения советских фотоснимков, то мы увидим нечто большее. Например, намеренное стремление само-ориентализироваться,

представить себя и мир вокруг себя частью экзотического Востока. Об этом говорит одежда, которую выбирали духовные лица для официальных церемоний, зная, что они будут сниматься на камеру. Эта одежда – роскошные среднеазиатские («бухарские») халаты, изощренно украшенные тюрбаны – с одной стороны, подчеркивала живучий «исламский престиж Бухары» [7], а с другой – создавала экзотическую ауру, особенно контрастировавшую с повседневностью брежневского застоя. Стоило бывшему мастеру по деревообработке переодеться из серого костюма в чапан с чалмой, он тут же превращался в обладателя сокровенных знаний, восточного мудреца. Такой образ, создавался в сознании советских людей послевоенной поры через литературу, пропаганду и кинематограф. На некоторых фотографиях уровень такой ориентализации настолько высок, что создается впечатление, что Советского Союза не было. Советская реальность нисколько не отражена на таких фотографиях, передающих атмосферу собрания ученых – *‘улама*.

Арабографическая книжность, обильно представленная на фотоснимках, казалось бы, тоже должна работать на легитимацию статуса советских исламских деятелей, но тропы саморепрезентации иногда уводят нас в другом направлении: пожилой человек в очках с толстой книгой в руках на фоне шкафов с богатой библиотекой – далеко не обязательно имам или муфтий, это скорее визуальный троп для изображения людей творческих профессий, интеллигенции. Особенно если фотограф не был сам носителем той культуры, которую он снимал, от него можно было ожидать воспроизведения стереотипов из более широкой социальной среды.

Более всего духу ориентализма были подвержены студенты из европейской части России, отправлявшиеся на учебу в медресе Мир-и ‘Араб в Бухаре. Они любили снимать средневековую тимуридскую архитектуру и фотографироваться на ее фоне, потому что она воспроизводила их представления о загадочном Востоке. Причем студенты не вели себя только как туристы, они сами участвовали в создании этого Советского Востока. Простой пример: во время поездки в г. Хива татарский студент, а позднее уфимский имам Аббас Бибарсов увидел группу людей, пивших чай на подушках. Бибарсов снял калоши, присоединился к компании, взял в руки пиалу и попросил спутника сфотографировать его в таком антураже. Получившийся снимок по стилистике с легкостью можно было бы добавить в «Туркестанский альбом» (1865–1872) А.Л. Куна.

Список источников и литературы

1. *Abashin S.N.* A Prayer for Rain: Practicing being Soviet and Muslim // *Journal of Islamic Studies*. 2014, vol. 25, № 2. P. 178–200.
2. *Tasar E.* Soviet and Muslim: The Institutionalization of Islam in Central Asia, 1943–1991. Ph.D. Dissertation. Harvard University, 2010. 585 p.
3. *Бабаджанов М.М., Муминов А.К., Олкотт М.Б.* Мухаммаджан Хиндустани о формировании «советского ислама» в Средней Азии // *Восток*. 2004. № 5. С. 43–59.
4. *Миннуллин И.П.* Мусульманское духовенство и власть в Татарстане (1920–1930е гг.). Казань: Изд-во Института истории им. Ш. Марджани, 2006. 220 с.
5. *Плакат Советского Востока*. 1918–1940. Альбом-каталог / Сост. М. Филатова при участии В. Бобровникова. М., 2013. 317 p.
6. *Абашинов С.Н.* Советский кишлак. Между колониализмом и модернизацией. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 848 с. Десятый очерк «Ошобинские альбомы».
7. *Frank A.J.* Bukhara and the Muslims of Russia: Sufism, Education, and the Paradox of Islamic Prestige. Leiden, Boston, 2012. 215 p.

A.K. Bustanov

Islam and The Language of Soviet Visuality

Summary: This paper suggests possible ways of interpretation of the cultural experience of Soviet Muslims through the prism of photographs and photo-albums, created for and by the Muslim elites. I am interested in a black-and-white language of Soviet Islamic visuality that became important in the after-war period. Photographs can be very informative also traditionally approached as texts, but I find more promising to look at the photographic events, patterns of visuality and a visual set in motion. Photograph is an act of creation rather than simply representation of reality. It is in the photograph collections that a hybrid Soviet Muslim identity finds its most spectacular expression since this identity was in a large extent build up by photo cameras. Photo shots taken between the 1940s and 1980s that I have at my disposal all originate from the private archives exclusively. Each of the keepers of such collections deals with them as important objects in constructing collective memory. Once created to transmit certain ideas (be it Islamic patriotism, literacy, Soviet modernity or else) the photographs are being instrumentalized by their holders, changing their place in the albums, finding or loosing inscriptions on them. Attention to visuality of Soviet Islam gives us a chance to distance from a traditional text-centered historical narrative and brings the discussion of specific topics from the field of Islamic studies to a broader platform of post-colonial debates on perception of self and others.

Key words: visuality, Islam, photographs, Orientalism, memory politics.